

Ю. П. МАРЧЕНКО

Тамбовский пединститут

ИСТОРИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ НОРМ ПРОИЗНОШЕНИЯ

(Некоторые вопросы изучения орфоэпии в пединститутах)

В развернувшемся сейчас походе за культуру устной речи и прежде всего за культуру ее общественной, публичной формы, звучащей в школьном классе и на собраниях, в театре и кино, по радио и телевидению, не последнее место должно быть отведено нормам произношения (орфоэпии в узком смысле). Причем вырабатываемые конструктивные рекомендации, становящиеся со временем нормативными, следует извлекать не только из синхронно-описательного аспекта, но не в меньшей степени необходимо учитывать аспект исторический, что в конечном счете приведет нас к пониманию стилистического использования той или иной произносительной нормы.

Последние 10 — 15 лет, как показывают наблюдения, характеризуются ростом орфоэпического разнобоя в речи тех, кто должен по должности публично говорить (учителя, агитаторы, пропагандисты и т. д.). Причем факты разнобоя не обуславливаются ни сферами, ни стилистическими разновидностями речи. Пытаясь уяснить причины этого явления, видишь, что тут дело не только в фетишизации письменной речи, в прямом переносе орфографии в орфоэпию, с одной стороны, или в чрезмерном влиянии родного диалекта говорящего, — с другой, но и в отсутствии достаточно твердых установлений в соответствующих пособиях, в обтекаемости указаний на границы применения дублетных норм произношения. Часто же повторяющиеся

замечания вроде «удерживается по преимуществу в речи старшего поколения, а также принято в сценической речи» больше вредят, чем помогают, т. е. подобными утверждениями у театра, радио и телевидения отбирается по существу право быть ревнителями и проводниками, хранителями и законодателями норм произношения.

Разве не приводится к нулю значение театра и радио в формировании нашей современной орфоэпии такими «наблюдениями». «Эта норма последовательно соблюдается в современном сценическом произношении, в произношении дикторов радио. Но эта норма не имеет уже широкого распространения. В настоящее время установилась вторая норма...»¹ Этот «Вариант произношения сохраняет значение нормы *лишь* в сценической речи».²

Как увязать с учением о культуре речи отрицание нормативности образцового употребления и признание нормой произношение, возникающее под влиянием правописания? А ведь именно таким путем получают у нас права гражданства инновации, грозящие свести на нет русскую национальную систему орфоэпии, кем-то с легкой руки окрещенную старой московской. Предлагаемые новшества должны основываться на познанных законах языковой эволюции, а не на фактах, возникающих в результате внедрения в школе метода побуквенного проговаривания слов, дабы не пострадала орфография(!)

Ниже мы попробуем доказать, что нормы так называемого старомосковского произношения, отдаваемые многими ревнителями правильной устной речи на откуп старшему поколению и театру, должны быть практическим достоянием современного публичного стиля произношения, должны сохраняться в речи учителей прежде всего. Это последнее будет способствовать тому, что учащиеся станут овладевать историческим и стилистическим подходом к орфоэпии.

I. Прилагательные на -кий, -гий, -хий.

В дни последнего Лермонтовского юбилея в классах и на школьных сценах неоднократно можно было слышать

¹ Е. М. Галкина — Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский. Современный русский язык. Учпедгиз, 1957, стр. 150.

² Там же, стр. 159.

такое звучание первой строфы стихотворения «Белеет парус одинокий»:

Белеет парус одинокий (ад'инок'ий).³
В тумане моря голубом...!
Что ищет он в стране далекой? (дал'ок'ьй)
Что кинул он в краю родном?..

Вероятно, не надо обладать тонким поэтическим слухом и вкусом, чтобы услышать и понять, как разваливается строфа при таком чтении рифмы. Но это не смущает ни ученика, ни учителя. Ученик, конечно, и не догадывается о неправильном произношении, а у учителя, когда обратят его внимание на эту ошибку, есть оправдание, что подобные формы прилагательных («одинокий») в современном языке произносятся с мягкой основой. Советов же о сфере использования твердого звучания у учителя под руками нет.

Следующие примеры, кажется, могут служить таким советом (после примера в скобках указывается автор и класс, где изучается произведение).

1. Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокий! (ад'инок'ьй)
Твой старый хозяин тебя пережил...
На тризне уже недалеко, (н'ьдал'ок'ьй)
Не ты под секирой ковыль обagriшь...

(Пушкин, 6 класс).

2. Ревёт и стонет Днепр широкий, (шырок'ьй)
Сердитый ветер вербы гнёт
И гребни волн горой высокой (высок'ьй)
Взметаёт вверх и вдаль несёт.

(Шевченко, 7 класс).

3. Не жалок ей нищий убогий — (убог'ьй)
Вольно ж без работы гулять!
Лежит на ней дельности строгой (строг'ьй)
И внутренней силы печать.

(Некрасов, 8 класс).

4. Прикрыты рубахою женской (жэнск'ьй)
Звенели вериги на нём;
Постукал дурак деревенский (д'ьр'иев'энск'ьй)
В морозную землю колом.

(Некрасов, 8 класс).

³ Здесь и далее в фонетической транскрипции даются лишь интересующие нас слова или их части.

5. Бой неравный, бой короткий, (кароткѣй)
Самолёт чужой, с крестом,
Покачнулся, точно лодка, (лоткѣй)
Зачерпнувшая бортом...

(Твардовский, 8 класс).

Видно, не следует переходить на новое — орфографическое — чтение и в тех случаях, когда отсутствует рифменное основание.

1. И княжеский дар им не нужен..

(Пушкин, 6 класс).

2. Ты, сказывают, петь великий мастерище.

(Крылов, 6 класс).

3. Вдруг голос — лёгкий шум шагов.

(Лермонтов, 7 класс).

4. Богатырский бой начинается

(там же).

5. Удалой боец, сын купеческий.

(там же).

6. Трижды громкий клич прокликали.

(там же).

Сохранение «старой московской нормы» в этих и подобных примерах подсказывается известным «чувством соразмерности и сообразности», вызываемым стилем произведения.

Конечно, нельзя не учитывать, что мягкое звучание рассматриваемых основ при необходимости пользуется такими же правами, что и твёрдое!

А Сами стоял на коленях,

Маленький (-кѣи), тихий (-хѣи) и строгий (-г'ии).

(Тихонов, 6 класс).

Нет нужды напрочь отбрасывать и твёрдое произношение заднеязычных в глаголах на -кивать, -гивать, -хивать.

В таких случаях, как:

И подмигивать (-гѣвѣт') глазами,

И прищёлкивать (-кѣвѣт') перстами,

(Пушкин, 5 класс).

Серый волк да не прорыскивает (-кѣвѣ-).

(Былины, 6 класс).

Лишь стоят да друг друга поталкивают (-кѣвѣ-).

(Лермонтов, 7 класс) —

твёрдое звучание предпочтительно.

II. Возвратные частицы *-ся, -сь* в глаголах (не в инфинитиве и не в 3-м лице настоящего — будущего времени), причастиях и деепричастиях.

Для публичного стиля произношения нельзя безоговорочно принять установление о мягком произношении возвратных частиц *-ся, -сь*⁴. Авторы, ставящие твердое или мягкое произношение «с» в возвратных частицах в зависимость от качества предшествующего звука, не находят единства этой зависимости.⁵

Следующие примеры не позволяют согласиться ни с первыми, ни со вторыми.

1. Окончилась рельса (са^т)
И слезли у леса мы —
Садись и грейся (-са^т)

(Маяковский, 5 класс).

2. Только нам гулять не довелось... (-са^т)
Целый день на фабрике колёса (-са^т)
Мы вертим, — вертим, — вертим!

(Некрасов, 6 класс).

3. И, как ему, не довелось (-ос)
Тебе наткнуться на вопрос, (-ос)

(Некрасов, 6 класс).

4. Снова воду привелось (-са^т)
Из какой черпать реки!
Где стучат твои колёса, (-са^т)
Где ступают сапоги.

(Твардовский, 8 класс).

В школьной серии грампластинок всеми исполнителями строго выдерживается твёрдое произношение возвратных частиц. Часто такие звучания нельзя объяснить только приверженностью исполнителя к сценической речи.

Послушайте звучание рифм в устах Дмитрия Журавлё-

⁴ См. об этом в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова. 1952, стр. 8 и в книге Н. С. Валгиной, и др. «Современный русский язык» 1962, стр. 96.

⁵ См. «Русское литературное произношение и ударение» под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова, 1960, стр. 698—699; Е. М. Галкина—Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский. Современный русский язык. Учебник, 1957, стр. 159.

ва при чтении поэмы Маяковского «Хорошо».⁶ (в скобках цифрами указываем главы поэмы):

- глаз (-ас) — лилась (-ас) (1);
- дался (-са) — голоса (-са) (2);
- полечись ты (-ч'исты) — речистый (-ч'истыи) (4);
- радуясь (-ус) — градус (-ус) (13);
- за лес (-л'ьс) — взялись (-л'ис) (15);
- тормоз -м'ьс) — формясь (-м'ьс) (17);
- за час (-ас) и сочась (-ас) (18);
- сжились (-ис) — жилист (-ист) (18).

Необходимость такого чтения в рифмах распространяет его и на середину строки, чтобы конечные звучания не казались надуманными.

Таким образом, как нам кажется, твёрдое произношение возвратных частиц должно быть в боевом арсенале культуры устной речи.

Наша задача при подготовке учителя-словесника не внушать ему, что эта и другие рассматриваемые здесь старомосковские нормы вышли или выходят из употребления, а научить его видеть сферы, где и теперь эти нормы являются единственно возможными.

III. Безударные формы 3-го лица множественного числа глаголов II спряжения.

Наблюдения над современной публичной устной речью не дают полного основания отнести звучания типа «хвал'ут» к отмирающим «старым московским» нормам. На самом деле, в речи естественной, не связанной текстом, листом, эта норма проявляет себя достаточно широко.

Новая же норма «хвал'ят», и даже «хвал'ат», начинает слышаться, как только перед глазами говорящего появляется текст. Конечно, у людей, часто выступающих по писанному тексту, эта «норма» проникает и в обычную речь, но считать такое произношение господствующим в настоящее время преждевременно.

Не об этом ли говорят § 117 школьного учебника и орфографические ошибки учащихся, не умеющих определить спряжение глагола по неопределённой форме.

⁶ Слушай грампластинки школьной серии (10 кл.) ЗЗД—10701—10702—10703—10704.

Так или иначе, но учитель должен знать «старую» норму и уметь ею пользоваться. Не обойдётся без неё, например, при чтении такого места из поэмы Маяковского «Хорошо!»:

Я... беру телефон —
не задушим, так нас задушат (-шут)
Или возьму телефон,
или вон
из тела
пролетарскую душу».

IV. Звучание на месте буквы «а» после ж, ш в предударном слоге.

Наблюдения над образцовым публичным стилем устной речи (радио, телевидение) свидетельствуют о жизненной силе произношения типа «жыра, шыг'и». Однако в последних руководствах её прямо относят к «отмирающей старой московской норме»⁷. Другие авторы её почти совсем не замечают⁸. Третьи хотя и видят её последовательное (!!) соблюдение в современном сценическом произношении, в произношении дикторов радио, но не считают это достаточным для её признания и широкого распространения.⁹

Думается, что вузовская практика должна более последовательно рекомендовать «старую» норму. Ведь мы обязываем её соблюдать в словах «жалеть, жасмин, жакет, лошадей». Кроме того, просто отбрасывая «старое» звучание, мы не сведём концы с концами, когда будем слушать школьную серию грампластинок.

Не следует торопиться с внедрением твёрдого произношения внутриморфемных сочетаний «жж» и «жж», нужно поддерживать сильную редукцию до «ъ» в служебных словах «хоть, коль, да, так» и др.

Известно, что и в этих случаях побуквенное произноше-

⁷ Н. С. Валгина и др. «Современный русский язык». 1962, стр. 88.

⁸ См. словарь-справочник «Русское литературное произношение и ударение» под ред. Р. И. Иванесова и С. М. Ожегова, 1960, стр. 671.

⁹ Е. М. Галкина—Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский. «Современный русский язык». 1957, стр. 150.

ние дает себя знать в устных стилях речи, даже в разговорном.

Преждевременное списание старомосковского произношения как ненужного приводит к тому, что отдельные «нормы», свободно употребляемые в так называемой сценической речи, даже не упоминаются в последних конструктивных руководствах по орфоэпии. Типичным примером в этом отношении является звучание типа «в'ер'х». Без понимания, где и когда можно и нужно его (это звучание) применять, не может обойтись современный распространитель культуры устной речи. Теперешнее отношение к этой старой норме порождает курьёзные случаи.

Готовя изучение «Горя от ума», учитель задал прочитать комедию дома. И вот на одном из уроков ученик спрашивает, почему в слове «верхние» (монолог Фамусова, действие второе, явл. 5) пишется «ь». А учитель отвечает, что это типографская ошибка, и просит ребят зачеркнуть «ь» в тексте. Могут сказать, что это не типично. Допустим. Но часто ли приходится слышать правильное чтение рифм, основанных на этой норме. Например:

Тучи —

кочки

переплыли лётчики.

Это

летчики мои.

Встал

словно дерево я (д'ер'вьѣа)

Всыпят,

как пойдут в бои,

по число

по первое. (п'ер'вьѣа^в)

(Маяковский, «Хорошо!»—19)

Всё изложенное выше имеет в виду:

1) показать, что современная практика публичного стиля устной речи *не может обойтись* без тех старомосковских норм произношения, которые теперь принято рассматривать как отмирающие;

2) утвердить необходимость привития студентам-филологам широкого круга произносительных норм в пределах одной и той же фонетической или грамматической ситуации;

3) предложить более строгий регламентирующий и диф-

ференцирующий подход к диахронии и синхронии орфоэпии;

4) напомнить, что школа является важнейшим местом привития навыков культуры речи и, что, борясь за подлинную культуру речи студентов-филологов, будущих учителей-словесников, мы обеспечиваем её распространение в широких массах нашего народа.

От редакции. Не со всеми положениями автора статьи мы согласны. Но то, что учитель-словесник должен знать и старые и новые нормы орфоэпии, чтобы подсказывать ученикам «историчность» произношения, не вызывает сомнений.